

К 150-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова

Александр Зиновьев Мой Чехов*

(Выдержки)

Впервые в мире публикация данного эссе состоялась на французском языке в 1989 году, а первая и единственная публикация на русском языке произошла в России, в 1992 году.

С полным текстом эссе «Мой Чехов» можно ознакомиться на сайте «Зиновьев.Инфо» по адресу: <http://zinoviev.info/wps/archives/161>

ЧЕХОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

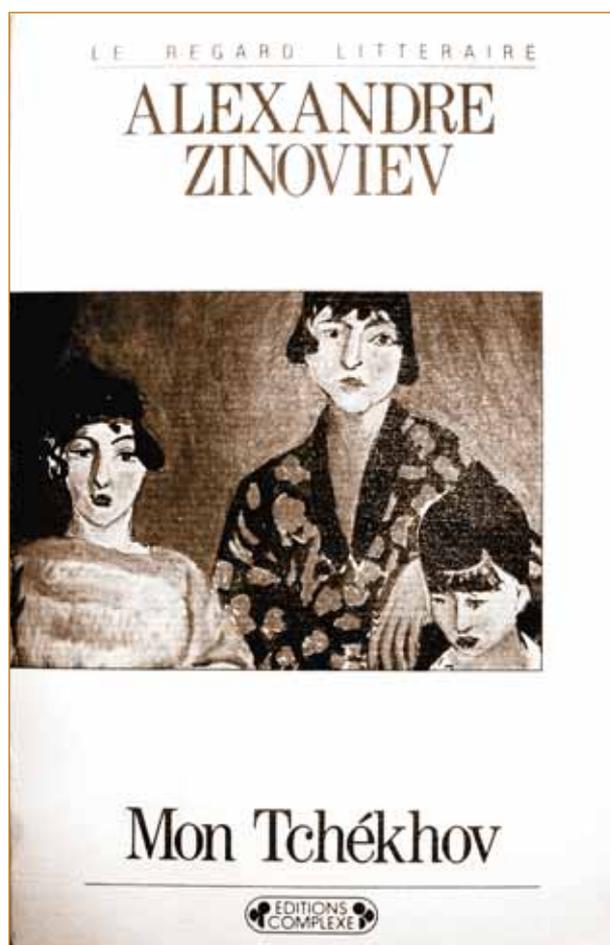
...В литературоведении об Антоне Павловиче Чехове (1860—1904) написано так много, что можно говорить о своего рода науке — о чеховедении. Я ни в коем случае не претендую на вклад в эту науку и не считаю себя специалистом не только в чеховедении, но и в литературоведении вообще. Мое отношение к Чехову совсем иного рода. Наряду с М. Ю. Лермонтовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Ф. М. Достоевским и другими русскими писателями Чехов с самого раннего детства был для меня неотъемлемым элементом моей духовной жизни, соучастником в моем понимании человеческого окружения и в моем отношении к нему.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

...Как я уже сказал выше, в годы литературной «паузы» я выработал свою социологическую концепцию коммунистического общества. Ниже я поясню один ее аспект, важный для моего понимания творчества Чехова.

...Я изучал советское общество не по сочинениям классиков русской литературы, а путем непосредственного его наблюдения. Я обратился вновь к их сочинениям, поскольку все важнейшие «общечеловеческие» проблемы, поставленные ими, воспроизвелись передо мною, как и перед многими русскими мыслящими людьми, с новой силой и в новой форме. Среди этих проблем «чеховские» проблемы оказались центральными.

* Первая на русском языке и единственная публикация в России эссе А.А. Зиновьева «Мой Чехов» состоялась в 1992 году в журнале «Звезда» (1992, № 8).

На фото: Обложка французского издания эссе А.А. Зиновьева «Мой Чехов» (1989 г.)

ЧЕХОВСКИЙ МИР

...Социальные отношения, которые в России в чеховские годы стремительно разрастались, подготавливая социальный базис будущего коммунистического (социалистического) общества, наиболее откровенно и остро проявлялись в среде чиновничества. Уже царь Николай I как-то бросил фразу, что Россией управляли 30 тысяч столоначальников (столоначальник — чиновник среднего уровня). А к началу двадцатого века государственный аппарат России разросся еще более. Так что не случайно чиновник стал в творчестве Чехова одной из центральных фигур (если не самой главной), а представители других со-

циальных категорий стали рассматриваться в их чиновничьеподобных функциях и отношениях. «Россия,— писал Чехов,— страна казенная». Он с поразительной художественной силой на примере чиновничества показал, что положение человека в социальной системе и иерархии русского общества стало превращаться в фактор, определяющий все остальные аспекты жизни, идеологии, морали и психологии человека, что отношения начальствования и подчинения стали превращаться в базис для всех прочих отношений. И в этом смысле Чехов был предшественником реалистической критики коммунистического социального строя в наше время в гораздо большей степени, чем любой писатель дореволюционной России.

...Чехов не имеет себе равных в русской литературе и в изображении того, как социальное положение человека определяет собою все прочие аспекты его жизни, включая семейные, товарищеские и любовные отношения.

...Именно интерес к чиновничье-бюрократическому аспекту жизни общества позволил Чехову открыть для литературы область явлений, которые казались малозначительными житейскими пустяками и мелочами, но под пристальным взглядом Чехова обнаружили свою решающую роль в создании определенного строя и образа жизни. Как заметил один из чеховских героев (в рассказе «Страх»), страшна главным образом обыденщина, от которой невозможно спрятаться.

Я считаю, что с социологической точки зрения самым значительным в творчестве Чехова является обнаружение власти ничтожеств и ничтожности («обыденщины») как основы основ жизни государственно организованного общества. С этой точки зрения чеховская «неспособность» (как считают советские литературоведы) подняться до уровня марксистского понимания русской реальности и выработать положительные идеалы гораздо ближе к исторической реальности, чем марксистская «способность» такого рода. Как показал семидесятилетний опыт советской истории, власть «мелочей» и власть ничтожеств (власть «обыденщины») не только не ослабла в социалистической России, но, наоборот, всемерно окрепла и расширилась, захватив все сферы жизни общества.

СВОБОДА И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ

...Чехов считал отсутствие свободы одним из величайших зол существующего социального устройства. Это

убеждение он неоднократно выражал устами своих героев и в прямых авторских высказываниях. Но это было бы само по себе банально, если бы он остановился на этом. Чехов в своих произведениях выразил нечто гораздо более значительное, чем сам очевидный всем факт отсутствия свободы. Особенно выразителен с этой точки зрения его рассказ «Человек в футляре», один из самых потрясающих чеховских шедевров.

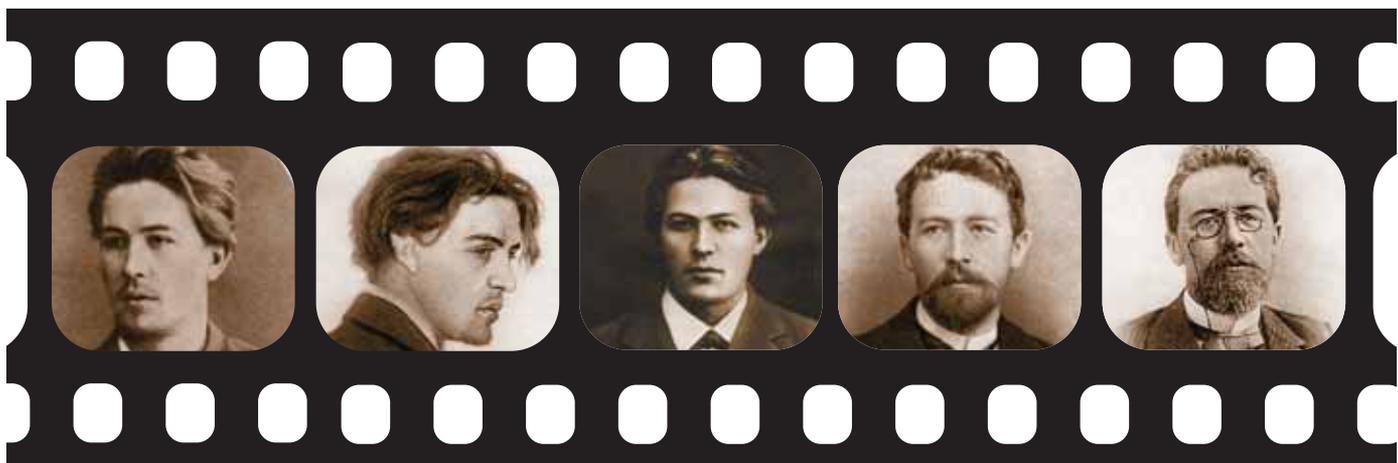
...Отсутствие свободы и закрепощение человека есть неизбежное следствие самого существующего социального строя. Причем, это отсутствие свободы и рабство не есть зло, навязанное людям какими-то силами извне. Оно есть их собственное порождение. Одни члены общества являются активными и добровольными слугами и стражами существующего порядка. Характерным представителем этой категории людей является главный герой рассказа учитель Беликов.

...Чеховские герои вообще не бунтари, не борцы, не революционеры. Их бунт и протест ограничивается домашними масштабами, разговорами и кратковременными порывами. Советские литературоведы усматривают в этом слабость Чехова, не заметившего сил протеста и революционности, таившихся в русском народе. Возможно, это действительно так. Но тут имеется другая сторона дела, а именно та, что Чехов докопался до такого фундаментального пласта русской общественной жизни, в отношении которого проблема свободы принимает не политический, а социологический смысл.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

...Начав «писать рассуждения», Чехов, естественно, обратился к изучению и описанию той части русского общества, которая по самому своему воспитанию, образованию и положению в обществе занималась главным образом размышлениями и рассуждениями о жизни, т. е. обратился к образованным («университетским») людям — к интеллигенции.

... В литературоведении считается, что Чехов развенчал интеллигенцию. При этом имеются в виду идеалы и программы преобразования общества, выдвигавшиеся в то время в среде интеллигенции. Но у Чехова получилось, хотел он этого или нет, нечто большее: он развенчал интеллигенцию как особую социальную категорию. Он показал (или у него так получилось), что никчемность идеалов и

На фото: А.П. Чехов и Л.Н. Толстой. Фотография П. А. Сергеенко (1901 г.)

программ интеллигенции обусловлена ее положением в обществе, теми социальными отношениями, в которые она оказалась вовлеченной по роду своей профессиональной деятельности. Это целиком и полностью относится к интеллигенции. Рассмотрим с этой точки зрения конечный продукт упомянутого процесса — Советскую Россию.

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ

...Проблема смысла жизни вообще, как мне кажется, есть проблема в самой основе своей пессимистическая. Когда впереди не светит ничего хорошего, то думающему и страдающему человеку не остается ничего другого, как найти выход из безвыходного положения в себе самом и в определенной организации своего собственного поведения.

Многие чеховские герои жалуются на бесцельность и бессмысленность уже прожитой или текущей жизни, на отсутствие идеалов. Особенно сильно, как мне кажется, этот мотив выражен в пьесе «Дядя Ваня». Хотя финал пьесы по форме выглядит оптимистически, однако такой «оптимизм» похуже любого пессимизма. Приведу слова героини пьесы: «будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом... увидим жизнь светлую, прекрасную». Это уже не просто пессимизм. Это — отчаяние беспредельное. «Мы отдохнем!» — такими словами заканчивается пьеса. Причем имеется в виду «отдых» после смерти.

Должен сказать, что роль большого писателя проявляется не только в том, что его идеи и образы вызывают одобрение читателя, но и в том, что они вызывают протест. Чеховский «Дядя Ваня» (а отчасти — и другие пьесы) вызывал у меня в свое время не просто протест, но даже гнев. Лучше впустую промотать физические и душевные силы, чем терзаться мыслями о бесцельно прожитых годах и утешать себя покоем («небом в алмазах») после смерти. Я с юности был за бунт. Пусть бессмысленный, иррациональный, нелепый, безнадежный, безрезультатный бунт, но все-таки бунт. Жизнь все равно промчится мгновенно. С точки зрения вечности нет никакой разницы, прожил ты двадцать лет или сто. Качество жизни, думал я,

определяется тем, в какой мере ты сумел восстать против своего окружения, против своего общества, против всего хода истории, против всей Вселенной. Чеховские интеллигентные герои при всех их страданиях принадлежали к сравнительно благополучным слоям общества. Их страдания казались мне салонными. Надуманными «страданиями» людей, живущих в таких условиях, о которых я и мечтать не смел для себя. Я же был на самом дне житейской помойки. Для меня все было враждебно и все оборачивались врагами. Моя идеология бунта была порождена безнадежностью и отчаянием, за пределами для мыслящего существа.

... В книге «Живи», которую я написал уже в 1982 году, но по ряду причин не опубликовал до сих пор*, мои персонажи столкнулись с проблемой жизни как с проблемой идейной и психологической самозащиты в условиях, когда они бессильны изменить общественный порядок. Они, как мне кажется, являются с этой точки зрения наследниками персонажей Чехова.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

... Одной из важнейших особенностей творчества Чехова, на которую обращало внимание большинство писавших о нем, является «объективная манера», отсутствие прямых авторских оценок изображаемого, предоставление возможности читателю самому делать выводы. Чехов многими считался писателем без ясного и определенного мировоззрения. Советское литературоведение, причис-

вающее Чехова под предшественника «социалистического реализма», с этим не соглашается и приписывает Чехову мировоззрение, какого у него на самом деле не было. Чехов на самом деле стремился избежать предвзятости и тенденциозности.

Литература
утратила свою
лидирующую
роль
в культуре

... Особенно интересно здесь то, что об объективности литературы говорит писатель, по преимуществу являющийся юмористом и сатириком.

Как совместить юмористически-сатирическое отношение к реальности, кажущееся крайне субъективным, с намерением быть объективным? Анализ творчества Чехова и мой собственный писательский опыт привели меня к таким выводам.

Надо различать юмор и сатиру как литературные средства, имеющие целью вызвать смех у читателя, и как средства познания и выражения результатов познания, имеющие целью отразить объективную сущность явлений жизни.

... В величайших образцах литературной сатиры и юмора не так уж много смешного в обычном смысле слова. Они поражают точностью, краткостью, выразительностью и глубиной понимания социальных явлений. Они порож-

* Первая публикация в России романа А.А. Зиновьева «Живи» состоялась в 1991 году в журнале «Звезда» (1991, № 10).

**КРАСУХИН К. ЧИНЫ И НАГРАДЫ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ // ЛИТЕРАТУРА. 2004,
№ 11. С.9-14.**

«Главным путеводителем в столь непростой и мало раскрытой у других авторов теме чиновничества в творчестве Чехова послужила для меня статья А. Зиновьева «Мой Чехов». Русский писатель — эмигрант и социолог, живущий ныне в Мюнхене, известный у нас как автор книги «Зияющие высоты», пишет в данной статье именно о «своем» Чехове, не претендуя на вклад в чеховедение. Чехов для него был с раннего детства неотъемлемым элементом духовной жизни, оставаясь до зрелых лет постоянным спутником автора (чувство совместно прожитой жизни) и своеобразным маяком в собственном научном и литературном творчестве. В этой книге Зиновьев рассказывает о том, что ему довелось пережить и переосмыслить в связи с Чеховым и с его участием.

Автор делает попытку социологического анализа творчества Чехова, исследуя чиновничьи отношения (в после-

революционной России) как базисные для общества, что и являлось объектом литературного творчества Чехова.

По Зиновьеву, чиновник — одна из центральных фигур в сочинениях Чехова, а представителей других социальных категорий он видит в их чиновничьеподобных функциях и отношениях.

А. Зиновьев считает себя продолжателем салтыковского — чеховского направления в русской литературе, которое определяет как социологический реализм и довел в своем творчестве до логического конца, придав ему вид сознательной литературно — логической концепции в своих книгах.

Единственно и только у А. Зиновьева я обнаружил системный и глубоко научный подход к исследованию темы чиновничества в творчестве Чехова и в своих рассуждениях и умозаключениях многое взяла из его авторской концепции.

Мне кажется, что эта статья заслуживает серьезной методической разработки для более глубокого понимания творчества Чехова старшими школьниками в ключе социологического реализма».

дают внутренний, интеллектуальный смех. Они оцениваются по критериям интеллектуальной, а не развлекательной эстетики. Например, не так уж много смешного в развлекательном смысле в сочинениях Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Перечитайте такие выдающиеся произведения чеховской сатиры и юмора, как «Человек в футляре» или «Палата № 6!» Вряд ли вы будете много веселиться. И уж совсем ничего смешного нет в чеховских пьесах, которые, по определению самого Чехова, суть комедии. Что это за комедии, если в них люди кончают жизнь самоубийством или погибают на дуэли?! И все-таки это — комедии, но комедии в смысле Данте и Бальзака.

ЧЕХОВСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕАЛЬНОСТИ

В жизни хорошего все же больше, чем плохого, — заметил однажды Чехов. Жизнь прекрасна! — восклицают иногда его герои. Однако внимание Чехова занимает не хорошее, а плохое в жизни. Бочка меду, ложка дегтя, — не съешь горького, но не отведаешь и сладкого, — гласит старая русская пословица. А в бочке меда русской жизни оказалась не ложка, а ведро дегтя, которое настолько испортило содержимое бочки, что о наличии в ней меда приходится говорить лишь с оговорками и как бы между прочим. Главным содержанием творчества Чехова является описание «дегтя», т. е. зла, русской жизни. И всем своим творчеством он показал, что главный источник зла — господствующие социальные отношения. Чехов считает эти отношения противоестественными, ненормальными.

... Существующие социальные отношения противоестественны в том смысле, что порождают явления, не соответствующие нашим нравственным идеалам добра, блага, справедливости. Эта позиция породила психологически безвыходную ситуацию для Чехова. Как преодолеть противоречие между реальностью и нравственным идеалом? Есть два пути: привести реальность в соответствие с нравственным идеалом или отказаться от последнего. История пошла не путем приспособления реальности к

нравственному идеалу, а совсем иначе, принеся нравственный идеал в жертву объективной необходимости.

... Мне лично Чехов представляется в образе врача (а он был профессиональным врачом), который знает, что больной обречен, который не просто сочувствует безнадежно больному человеку, а переживает его судьбу как свою собственную, идентифицирует себя с этим больным, и который, вместе с тем, по долгу врача должен подавать какую-то надежду безнадежно больному близкому существу. Это — не роль священника у кровати умирающего или в камере осужденного на казнь, а роль целителя неизлечимых болезней.

НАСЛЕДНИКИ ЧЕХОВА

... Чехову как писателю повезло во многих отношениях. Условия, в которых писал и публиковался Чехов, преподносятся как «кошмарные условия реакции и царской цензуры». Когда сравниваешь эти «кошмарные условия» с теми, в каких оказались современные русские писатели, находящиеся в таком же отношении к советскому обществу, в каком находился Чехов к дореволюционному русскому обществу, то становится смешно и грустно. При таком сравнении чеховские «кошмарные условия» кажутся просто райскими. Да и общая ситуация в литературе и для литературы была такая, о какой теперь и помечтать невозможно. Литература тогда играла главенствующую роль в культуре.

... Совсем иная ситуация сложилась для современных писателей, стремящихся продолжать традицию социологического реализма. Литература утратила свою лидирующую роль в культуре. Ее оттеснили на задний план кино, телевидение, массовые зрелища и сборища, видео, журналистика, политические спектакли, спорт. Сама литература разрослась количественно до неслыханных ранее размеров. Она стала массовым явлением не столько в смысле массы читателей, сколько массы писателей. Она превратилась в сферу индустрии, подлежащую уже не законам культуры и критериям эстетики, а законам производ-

ства, политики и пропаганды. Литературно образованный читатель (литературоман) стал редкостью, утратил влияние на развитие литературы и растворился в океане случайных читателей с примитивным и извращенным вкусом, если тут вообще уместно это слово. Рухнули эстетические критерии оценки продуктов литературного творчества. Их место заняли критерии антиэстетические — критерии тех необычайно разросшихся слоев населения, которые когда-то называли литературной чернью или мещанством. Утратила былую силу профессиональная литературная критика. Журналист занял место квалифицированного литературоведа. Снижился относительный интерес к литературе. Непомерно возросло идеологическое давление на литературу.

...Но самые тяжелые условия сложились для русской литературы в эмиграции на Западе. Советская литературная критика и пресса практически ее игнорирует. А если она изредка и упоминает о ней, то только с чисто политической точки зрения. Круг читателей ее в Советском Союзе чрезвычайно узок. Массовый рядовой читатель, который мог бы стать судьей ее художественного уровня, для нее недоступен. Серьезной литературной критики для нее нет и на Западе. То, что пишется о ней, является тенденциозным, поверхностным и дилетантским. Пресса уделяет ей внимание не столько с эстетической, сколько с политической точки зрения. Незначительные в художественном отношении произведения превозносятся как литературные шедевры, а подлинные художественные открытия игнорируются. Нарушены все критерии качества и мас-

штабности авторов и их произведений. Причем это делается вполне сознательно и преднамеренно, в соответствии со стратегией правящих сил Запада занижать всеми способами достижения русской культуры.

... В последние несколько лет «свободная» русская литература получила в дополнение ко всему удар в спину. Запад попался на удочку горбачевской «перестройки» и «культурного ренессанса» в России и предал забвению все то, что сделали представители «свободной» русской литературы, чтобы раскрыть глаза западным людям на сущность советского социального строя и всего советского образа жизни. Теперь на Западе мнение советских партийных чиновников и их литературных лакеев ценят выше, чем то, что представители «свободной» русской литературы выработали ценой целой жизни. О сущности нынешнего «культурного ренессанса» и горбачевизма вообще я писал в книге «Горбачевизм» и отсылаю к ней заинтересованного читателя. Здесь же замечу, что горбачевский «культурный ренессанс» есть лишь обыкновенное воровство из запрещенной в Советском Союзе «свободной» литературы и жалкое подражание ей.

...«Свободная» русская литература оказалась в положении, в котором она не способна даже отстоять свой приоритет и свое новаторство. И нам, подлинным наследникам Чехова, остается лишь одно: мечтать о таких «кошмарных» условиях, в которых жил и творил Антон Павлович Чехов.

Мюнхен, декабрь 1987 г.

АНОНС

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ИМ. А. П. ЧЕХОВА

В январе 2010 года исполняется 150 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова. Юбилей писателя это праздник не только российской, но всей мировой культуры. Произведения Чехова широко представлены на сценах театров мира.

С 25 мая по 30 июля в Москве пройдет Девятый Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова. Основу программы составят спектакли (драматические, музыкальные, театрально-цирковые постановки по произведениям Чехова и о нём), которые Чеховский фестиваль готовит в сотрудничестве с театрами России и зарубежных стран — Франции, Испании, Германии, Канады, Швейцарии, Швеции, Республики Беларусь, Армении, Японии и Тайваня. Это — спектакли Франка Касторфа, Даниэле Финци Паска, Матса Эка, Лина Хвай-мина, Херардо Вера, Жозефа Наджа, Дзё Канамори, Важди Муавада, Начо Дуато, Акопа Казанчяна, Алексея Бородина, Александра Галибина, Дмитрия Крымова. Постановку Д. Чернякова осуществляет Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова.

Кроме того, в фестивальной афише — спектакль из Аргентины по пьесе «Дядя Ваня» в постановке Д. Веронезе, с успехом представленный в минувшем сезоне в Париже, и своеобразный чилийский спектакль «Нева» в постановке Г. Кальдерона. Завершится зарубежная программа фестиваля

спектаклем Начо Дуато на музыку И. С. Баха, который, по мнению критики, позволяет признать Дуато одним из выдающихся хореографов современности. Этот спектакль станет своеобразным прологом к «мировой серии» программы следующего чеховского фестиваля. Новые чеховские спектакли московских театров также войдут в программу фестиваля.

В рамках фестиваля в Москве пройдет Лаборатория молодых режиссеров, а в Ялте в июле — Летняя школа для молодых актеров и режиссеров из разных стран.

В течение всего 2010 года чеховские спектакли будут показаны в городах России и за рубежом: в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Челябинске, Казани, Ялте, Париже, Берлине, Мадриде, Стокгольме, Вене, Чикаго, Монреале, Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Минске, Баку, Ереване и др.

Официальный сайт фестиваля: www.chekhovfest.ru

